

Пролог

Возле дверей стояли, небрежно держа алебарды, два меднокожих гиганта в красных, с золотой вышивкой, набедренных повязках. Привилегия — вот так стоять возле входа в покои самого важного человека в царстве — передавалась от отца к старшему сыну уже более пяти тысяч лет. Поговаривали даже, что на самом деле гиганты одни и те же, бессмертные создания магического гения.

Крошечный по сравнению с десятиметровыми дверями человек с аккуратной, заплетённой в косичку чёрной бородкой снял сандалии, большую часть одежды и опустился на колени. Путь от дверей до трона предстояло проделать на четвереньках, в одном нижнем белье.

Двери бесшумно распахнулись, на лицах охранников застыло презрительное выражение — кто для них эти посетители, просто прах под ногами повелителя, одного слова которого достаточно, чтобы даже память о входящих сюда людях исчезла.

Человек поднял правую руку, переставил, подтянул левое колено, потом проделал то же самое с другой рукой и ногой, и так шестьдесят раз, не поднимая головы, смотря на своё отражение в отполированных золотых плитках пола. Да и что он мог увидеть

нового — мощные, инкрустированные золотом колонны высотой сорок метров подпирали золотой же потолок, разукрашенный драгоценными камнями, зал размером с футбольное поле был практически пустым, только у стены, противоположной дверям, стоял на возвышении золотой трон. Если все золото, что было пущено на отделку зала, собрать вместе и сплавить, получился бы куб с гранью в десять метров и весом почти в двадцать тысяч тонн.

Золотой пол неприятно охлаждал руки, его температура всегда была примерно пятнадцать градусов по Цельсию; такой, вполне вероятно, никогда не рождался на этой Земле. Казалось, гравитация здесь возрастала вдвое. Хотя, может быть, и не казалось, каждый рывок давался человеку с трудом, но он терпел и, только уткнувшись в ограничительный барьер, перевёл дыхание и поднял голову.

На белоснежном троне сидел молодой, лет двадцати пяти, человек, с вьющимися волосами цвета воронова крыла, тонкой длинной бородкой, продетой через кольцо, в белой тунике, заколотой пряжкой из белого металла, и с интересом смотрел на распростёршегося перед ним посетителя. Внимательный взгляд, с любопытством изучающий стоящего на четвереньках человека, добрая улыбка, собирающая еле заметные морщинки возле глаз, свободно лежащие на бёдрах руки — все это должно было располагать к себе, но почему-то внушало только страх и беспокойство.

Пришелец, избегая встречаться глазами с хозяином покоев, заголосил:

— О, великий энси, надежда и опора трона, повелитель молний и попиратель облаков...

— Хватит, — повелительно произнёс молодой человек, вставая с кресла. Он медленно спустился к замершему посетителю, обошёл его вокруг, потыкал ногой, словно тюк с вещами.

— Старый нун Громеш, давно тебя не было видно. С чем пожаловал?

Громеша доброжелательность хозяина зала не обманула. Он помнил, как люди входили сюда и больше не возвращались, и однажды даже сам стал свидетелем того, как грузная фигура просителя, вот так же стоящая на четвереньках, поплыла, превращаясь в бесформенный кусок чего-то отвратительно бурого, и впиталась без остатка в золотой пол. К тому же заданный вопрос не предполагал ответа, скорее, был неким ритуалом, отработанным за тысячи лет.

Никто из тех, кому доводилось бывать в этом зале, из тех, кто вообще знал, что такое помещение во дворце существует, не видел, чтобы энси был моложе пятнадцати лет и старше сорока. Один сменял другого, все так же сидя на троне и затем спускаясь к посетителям, год за годом, столетие за столетием, на памяти нунэ это была уже восьмая опора трона, которая, в сущности, делала с этим тронем что хотела. Эгиры изредка приходили и уходили, лугали, номинальные главы государств, хоть и чаще, сменяли друг друга, и такая ротация была закономерной, происходила по большей части естественным путем, на место умершего правителя садился другой, не всегда ближайший, но родственник. Только энси, когда подходил срок, выбирали своего преемника сами, из обычных подростков, неударённых, не принадлежащих старым семьям, уходили с ними в скрытый от чужих глаз храм, откуда

возвращался только один, тот, что моложе. Садился на трон и вот так же с доброй улыбкой и внимательным взглядом встречал каждого, кто по какой-то причине, очень важной, осмеливался потревожить его покой — только в один-единственный день лунного месяца. Что делал молодой человек в остальные дни, наверное, знали только его охранники, но ни один из них за тысячи лет не сказал ни слова.

Энси, закончив изучать нуна, сел рядом с ним на пол, сложив ноги, и приглашающе шевельнул рукой. Повинуясь жесту, нун Громеш сел напротив точно в такой же позе. Вот теперь можно было отвечать.

— Что привело тебя, нун? Вижу, ты ничего не просишь.

— Я боюсь ошибиться, но возможно, у нас прыгун, великий?

— Знаю, — энси задорно и заразительно засмеялся. — Не бойся. Пришлось немного подтолкнуть слияние, так что с ним все в порядке. Пока. Хотя вы и хотели его убить, но тут тебя не виню, соблазн был слишком велик. Это ведь не первый на твоей памяти?

— Пятый, великий. С каждым столетием их становится все меньше и меньше. Прости, я не знал о твоих планах на него.

— Ты и не должен. Ты уже стар, нун, твоё время уходит. Жертвы не помогают?

— Пока ещё да, великий, но все хуже.

— Что, живое трепещущее сердце на золотом блюде не пробуждает аппетит? Можешь не отвечать. Два-три десятка лет, и ты уйдёшь на покой. Я сам найду подходящий мир. Эгир и совет семей уже одобрили твою замену?

— Нет, великий.

— Решил сначала узнать, что я скажу? Твой сын и Марика. Из них выйдет отличная пара.

Нун жадно впитывал каждое слово. Часто то, что говорил энси, надо было расшифровывать, и горе тому, кто ошибётся. А сейчас прямым текстом повелитель указывал, что надо делать. Можно было пойти поперёк и сделать по-своему, поначалу многие семьи так и поступали. И где теперь они? Тем более династический брак отца с приёмной дочерью — это древняя традиция, правда, давно и заслуженно забытая, но тут сам повелитель высказал свою волю. Хоть его сын и идиот, годный только на то, чтобы своей космической армадой командовать, сжигать непокорные планеты и швыряться молниями в нерадивых слуг, но, видимо, придётся ему ещё раз послужить делу семьи.

— Так ведь Иту и... — решил уточнить нун.

— Я говорю о другом твоём сыне, — улыбнулся энси. — То, что ты решил, можешь делать. Если ветвь заболела, её надо подрезать, очистить от вредителей и лишних побегов, пока она не заразила весь ствол.

— Да, великий, — нун склонил голову так низко, как смог, почти уткнувшись носом в пупок. Ещё не бывало такого, чтобы энси что-то не знал.

— Сын Тоальке — он должен скоро прийти.

— Мы отправили за ним Анура, внука моего двоюродного брата, великий, — нун был уверен, что можно ничего не говорить, только слушать, но почему-то энси не любили, когда диалог превращался в монолог.

— Твоя семья слаба, и ты хочешь ослабить её ещё больше. Приглядишься к нему, твой внук не самый луч-

ший правитель, но возможно, его сын станет опорой семьи.

— Да, великий, — нун в глубине души выругался. Столько внимания какому-то ублюдку, и планы рушатся.

— О прыгуне не беспокойся, не стоит думать о проблемах раньше, чем они возникнут. Из тех нескольких тысяч, что были до него, смогли первый раз вернуться несколько сотен. А вернуться второй раз и служить семьям — таких по пальцам можно сосчитать. Прыгуны только кажутся полезными, гораздо ценнее те, кого здесь что-то держит. Если вдруг он появится, придёшь в Храм истины, я решу, что делать. Что-то ещё?

— Ничего важного, великий. Недавно вернулся Нарис, он был в вероятности, где почти нет магии, аборигены опередили нас в некоторых технологиях. Они уже почти полностью исследовали третий рукав, до которого мы ещё не добрались, но никаких следов нет. Реальности все так же идентичны.

— Я получил отчёт, — энси сидел спокойно, словно на мягких подушках. У нуна же вся задница затекла от контакта с холодным металлом, пси-энергия в зале не работала, ощущения не заблокировать. А этому хоть бы хны. — Нариса надо поощрить. Возьмёшь у казначея десять ману для него.

— Ты очень щедр, великий.

— Наша задача... — энси легко поднялся на ноги, нун с завистью посмотрел на него. До конца разговора ему самому вот так сидеть, в одной позе. — Неизменна. Человеческий род должен выжить, для этого мы передаём технологии из одних вероятностей в дру-

гие, копим и развиваем их у себя, стараемся охватить взглядом галактику, засылаем наших людей в другие реальности, оставляем ненужные и развиваем перспективные. Это стратегия, нун, можно проиграть одну схватку, но выиграть войну. Боги поставили перед нами цель, и если мы не сможем её достичь, нашего мира не будет.

Нун ждал. Он мог бы многое сказать: и то, что больше трети магов не смогли вернуться обратно, затерявшись где-то на пути из одной реальности в другую, и что подавляющему большинству людей абсолютно наплевать на какие-то высокие цели, на непонятных врагов, которые, возможно, придут через несколько тысяч лет. Что другие галактики по-прежнему недоступны и у экспансивного развития обязательно будет предел. И что ему самому было совершенно все равно, что произойдёт, когда даже его праха уже не будет. Но это и так было известно энси, только ему позволено говорить очевидные вещи.

— Как дела у Илани Громеш-Арке? — легко сменил тему молодой человек

— Я виноват, великий, — нун опустил голову. — Подумал, что так будет лучше для семьи.

— Это ваши внутренние дела, вину будешь искупать перед своим эгиром, если вдруг он её найдёт, и перед советом семей. Сын твоего внука будет для неё хорошим мужем, обряд проведёте немедленно, как только он появится.

— Будет исполнено, великий, — нун с облегчением вздохнул.

— Можешь идти. Десять ману из двадцати отдашь казначею.

Выбравшись за дверь, нун поднялся и стер холодный пот со лба. Вот что называется прийти за шерстью, а уйти стриженным. Хотя хорошая стрижка тоже стоит денег, двадцать ману — пустяк по сравнению с тем, что сказал энси, тем более для семьи, где, возможно, скоро будет подрастать новый повелитель потоков. Иного объяснения вниманию к какому-то прижитому в другой реальности ребёнку он не видел.

Громеш вытащил из сумки кожаный мешочек с отложенной сотней и, отсчитывая по одной золотой монете с отверстием посередине, насадил их на тонкий золотой штырь, торчащий из каменной плиты. На двадцатой плита полыхнула зелёным, Громеш не торопясь снял половину монет и убрал обратно. Стоящий рядом невысокий человек средних лет, в зелёной тунике с серебряной вышивкой, кивнул, провел рукой над золотым столбиком, и тот исчез.

— Хорошего пути, нун Громеш.

— И тебе, умун Каффи, — низко поклонился старик, выпрямился, став лет на тридцать моложе. Остался только визит вежливости к лугалю, и надо уносить отсюда ноги. Как можно скорее, запас ману не бесконечен.

Глава 1

Дежавю... Абсолютная темнота вокруг, хоть глаз выколи. Хотя, может быть, уже и нет у меня глаз? Последнее, что помню, как Арраш заталкивает меня в мой блок, потом сообщение от искина поместья о запуске протокола самоуничтожения и яркий свет.

Видимо, я умер.

Но что-то для мёртвого я очень здраво рассуждаю, хотя вот как бы нет фактов того, как себя люди ведут после смерти. Даже в магическом мире, по общедоступным данным, призраков не существует, а переселение душ высмеивается. Хотя, что там в действительности происходит, наверняка эти старики из великих и древних семей знают, но скрывают.

Что-то было ещё, когда обратный отсчёт закончился, и все вокруг меня самоуничтожилось по протоколу. Что-то про другой протокол. Важно или нет?

«Включён протокол экстренной эвакуации».

«Угроза разрушения носителя. Производится вход в систему».

«Первичный вход. Идентификация завершена. Данные синхронизированы».

Да, вот оно!

Значит, меня эвакуировали. И сейчас, видимо, моя тушка валяется на такой же каменной скамье, как и некоторое время назад. На синхронизированной скамье.

Я пошевелился — нет, скамьи подо мной не ощущалось. Вообще ничего не было, словно я висел в воздухе, причём это определённо был воздух — я дышал, грудная клетка двигалась. Даже носом для уверенности пошмыгал. *Dum spiro, spero!*¹ Причём очень даже неплохо, воздух приятный такой, свежий, пахнет немного озоном, как под ярким солнцем после дождя. Только вот яркого солнца не наблюдается.

— Пользователь активирован! — в темноте раздался чей-то голос. Женский. Не слишком приятный, скрипучий немного, но фраза была произнесена на чистом русском языке.

— Пользователь, вы можете говорить?

— Могу, — без раздумий согласился я. В моем положении поговорить — самая необходимая вещь.

— Слияние модулей завершено. Режим — поглощение, — предупредил меня о чем непонятном, но важном голос и замолк, видимо дожидаясь моей реакции.

— Спасибо. — Ну что тут ещё сказать. Модули слились и поглотились, значит, все идёт по плану.

— Идёт оценка развития пользователя, — голос стал строже. Может, зря я поблагодарил, теперь за идиота считают?

— Оценка завершена, — через некоторое время голос вернулся, ну и на том спасибо. — Выберите вариант интерфейса.

— Огласите весь список, — потребовал я.

Голос не отзывался. Видимо, список был не маленьким и требовал подготовки. Или моей, или моего неизвестного собеседника.

¹Пока дышу, надеюсь (*лат.*).

— Ну так что насчёт списка, — подождав с полминуты, поинтересовался я.

— Уровень пользователя — ноль. Доступен один вариант, — обрадовал меня голос.

Ну и то хорошо, чем меньше выбор, тем меньше волнений. Знать бы ещё, что выбираю.

Перед глазами зажглась точка, подросла, превратилась в голубую капельку. Из капельки выстрелили четыре линии — одна, ведущая вниз, закончилась красной капелькой, другие, под углами в сто двадцать градусов — оранжевыми. Из новых капелек, тех, которые сверху, стали тянуться такие же линии, и через некоторое время передо мной выросло пушистое деревце — красные, зелёные, оранжевые и голубые узелки вперемешку. Навскидку было порядка десяти уровней, но много веточек было короче, а несколько обрывались уже после третьего узелка. Зелёных было совсем немного, навскидку где-то сотня, а вот оранжевые и красные — почти все. Голубой узелок был всего один.

— Супер, — совершенно искренне сказал я. Деревце и вправду было очень красивое, прямо новогодняя ёлочка. Я попытался дотронуться пальцем до самого нижнего, красного узелка, но получил электрическим разрядом по пальцу. Блин, больно! Но значит, я все-таки существую, раз боль чувствую. Кстати, и зрение нормальное, свечения от деревца хватало, чтобы разглядеть себя. Руки-ноги на месте, ожогов вроде нет, и даже МК-22 в неплохом состоянии. Пощупал карман — джедайский меч на месте, я ведь его даже достать тогда не успел. А сейчас вытащил из кармана, попробовал активировать — но нет, не работает.